

18+ Гайна старого дома

Алёна Зорина

Алёна Зорина

Тайна старого дома

«Издательские решения»

Зорина А.

Тайна старого дома / А. Зорина — «Издательские решения»,

Лето, которое должно было быть самым обычным, превращается для сестер Карины и Евы в испытание на границе сказки и кошмара. В деревне у бабушки время тянется между ягодами, велогонками и шалашом в лесу — пока дети не находят старый Дом на краю и не знакомятся с лесным духом Весником. В заброшенном доме живёт Мара — когда-то женщина, а теперь существо, питающееся детством. Раз в сто лет ей нужен ребёнок, чтобы продлить себе молодость, и на этот раз её выбор падает на младшую сестру.

© Зорина А.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1. Приезд	11
Глава 2. Деревенская банда	16
Глава 3. Бабочка и овраг	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тайна старого дома

Алёна Зорина

© Алёна Зорина, 2026

ISBN 978-5-0070-9915-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Гром ударил так близко, что стекла в старых рамах задребезжали, как посуда в буфете. Дом бабушки Лиды, переживший и не такие грозы, недовольно скрипнул где-то в глубине — в стенах, в чердаке, в старой лестнице.

— Мам, интернет пропал! — возмущённо закричал из зала Миша.

— Интернет, говоришь... — пробормотала Карина, выглядывая в окно. — Сейчас вообще всё пропадёт.

Будто дожидаясь её слов, свет мигнул раз, другой — и погас окончательно. Дом на секунду провалился в густую, тёплую темноту. Потом, где-то в дальнем углу, жалобно пикнул забытой в розетке чайник.

— Ой, мам... — Аня тут же вцепилась Карине в руку. — Это навсегда?

— Темнота? — уточнила Карина. — Да нет, до утра точно переживём.

Где-то в коридоре гроыхнула дверь.

— Ева? — крикнула Карина. — Ты жива?

— Пока да! — отозвалась сестра с верхнего этажа. — Миша, не трогай провод! Сказала же — не трогай, это не шнур от приставки!

— Я и не трогаю... — обиженно пробурчал мальчик, хотя все прекрасно знали, что как раз трогает.

Карина на ощупь добралась до старого буфета, нащупала коробочку со спичками. Пальцы по старой памяти нашли заветный хруст — и через минуту в комнате уже дрожал огонёк свечи, отбрасывая на стены пляшущие тени.

Запахло воском и чем-то ещё — сушёной мятой, яблоками, немного — дымом от старой печи. Так пах этот дом всегда, сколько Карина себя помнила.

— Ууу, — протянула Аня, пододвигаясь ближе к свече. — Как в фильме ужасов.

— Это ещё не фильм ужасов, — фыркнула Ева, спускаясь по скрипучей лестнице в тапках с зайцами. — Вот когда бабушка Лида заходила с веником на включённом телевизоре — вот это был настоящий хоррор.

Она уже не была той худой, вечно растрёпанной девчонкой, коей запомнила её Карина в детстве, но в полутьме что-то ускользающе детское в ней всё равно проступало — та же смешливая складка возле рта, те же тёмные глаза, в которых легко загорались искорки.

— Бабушка хотя бы свет не вырубала, — заметила Карина. — В отличие от местной грозы.

Миша, вооружившись фонариком телефона, уже бегал по комнате, освещая по очереди: старый шкаф, кресло-качалку, стену с выцветшими фотографиями. На одной из них — бабушка Лида в платке, прищурившись, держала на руках двух девочек — Карину и Евку. Лето, солнце, у Карины на носу россыпь веснушек, у Евы — в руках огромный пучок ромашек.

— Мам, а вы правда тут всё лето жили? — Аня обернулась, глядя то на фотографию, то на Карину. — Без интернета?

— Ужас, правда? — подыграла Ева. — И даже без смартфонов. Только лес, речка и козы дяди Паши.

— Козы — это ещё ладно, — вздохнула Карина. — Вот соседский петух — тот был настоящее зло.

Гром ухнул снова, дом ответил протяжным стоном. Пламя свечи пошатнулось, тени поползли по стенам.

Миша немедленно оживился:

— Мам, давайте страшилки! Раз электричества нет, хотя бы польза будет.

— Польза, — проворчала Карина. — От страшилок?

— Ну... — вмешалась Аня. — Можно не очень страшные. Про привидений... но добрых. Или про домовых.

— Домовые это не страшилки, — уверенно сказал Миша. — Это научный факт. У нас в подъезде точно один живёт, он лифтом балуется.

Ева прыснула, но тут же посерьёзнела, вслушиваясь в глухой рокот за окном. Ветер гнал по стеклу дождевые струи, и от этого казалось, будто за окном кто-то проводит когтями по невидимой плёнке.

— Ладно, — сказала она, усаживаясь на пол рядом с детьми. — Про домовых, значит, научный факт... А про лесных духов вы что-нибудь знаете?

— Про кого? — Аня вытаращила глаза.

— Про лесных духов, — повторила Ева. — Про тех, кто следит за лесом, за тропинками, за тем, чтобы кое-кто... — она выразительно глянула на Карину, — не бегал по оврагам, куда не надо.

— Это ты сейчас на кого намекаешь? — прищурилась Карина, но в голосе её уже сквозила улыбка. — На некоторых шести-летних безумцев?

— Шесть с половиной, — поправила Ева автоматически. — И нечего меня за овраг припоминать. Это вообще не я упала, а так... немного поскользнулась.

Дети тут же подались вперёд.

— Мам! Тётя Ева! — перебил Миша. — А давайте вы расскажете что-нибудь... ну, реальное. Что с вами было. В этом доме. Чтоб прям... — он выразительно сжал кулаки, — ух!

— Реальное, — задумчиво протянула Карина. — В этом доме...

Она перевела взгляд на окно. За стеклом сверкнула молния, и на миг в саду всё стало белым, плоским, как на старой выцветшей фотографии. Силуэты деревьев застыли, будто чужие, незнакомые.

— Реальное, говоришь, — повторила она тише.

— Ну расскажи, — сказала Ева, неожиданно серьёзно. — Раз уж мы вернулись.

Слово «вернулись» повисло в воздухе тяжёлой каплей. В этот дом они и правда вернулись впервые за много лет — после похорон бабушки Лиды, после бесконечных бумаг, нотариусов и разговоров о том, что делать с «старью».

В итоге решили — летом поедут с детьми. Пусть побегают по траве, подышат настоящим воздухом, не городским.

Гроза словно только этого и ждала, чтобы начать вовсю: гром забухтел почти непрерывно, вспышки молний сводили тьму на нет на секунды, потом она возвращалась ещё гуще. Где-то на чердаке шарахнуло так отчётливо, что все четверо одновременно подняли головы.

— Там что-то есть, — серьёзно сообщил Миша.

— Там старые чемоданы, ковёр, сто лет никому не нужный хлам и, возможно, мыши, — перечислила Карина. — И паутина. Много паутины.

— Пойдём посмотрим? — мгновенно предложила Аня. В её глазах вспыхнуло то самое любопытство, которое Карина знала слишком хорошо. Свой, родной огонёк. — Ну мааам. Там же всё равно делать больше нечего...

— Только не сейчас, — отрезала Карина. — Во-первых, гроза. Во-вторых, темно. В-третьих...

— А чего ты сама туда в детстве лазила? — невинно заметила Ева. — И не раз. Я помню. Ты там книжки прятала.

— Это другое, — буркнула Карина.

— Почему? — хором спросили дети.

Карина закатила глаза.

— Потому что я была... — она на секунду задумалась, — безответственным ребёнком, а вы у меня сознательные.

— «Сознательные» — это значит скучные, — шепнул Миша Ане, но не настолько тихо, чтобы Карина не услышала.

Она уже набрала воздух в грудь, чтобы выдать воспитательную речь, но в этот момент снова раздался шорох. На этот раз — более явственный. Как будто кто-то тяжело переставил ногу по старой доске прямо над их головами.

Миша подскочил.

— Там Точно. Кто-то. Есть, — прошептал он.

— Кот, — решила Аня. — Или привидение бабушки Лиды.

— Бабушка Лида, если бы узнала, что вы её дом привидением называете, — заметила Ева, — пришла бы к вам во сне и заставила неделю полоть грядки.

— А пошли, — вдруг сказала Карина. — Быстро, пока я не передумала. Только втроём, ясно? — Она посмотрела на Еву. — Ты — остаёшься с чаем и свечой. И с ответами на вопросы, вдруг полиция спросит, зачем мы детей на чердак в грозу погнали.

— Спасибо, — фыркнула Ева. — Только лезьте аккуратно. Если кто-то упадёт и ломает себе нос, я в скорую звонить не буду. Сами, на костылях, поедете.

* * *

Лестница на чердак начиналась в узком коридоре, за тяжёлой дверцей с заедающим замком. Карина поднатужилась, дёрнула ручку — дверь нехотя поддалась, выпуская запах пыли и сухого дерева.

— Фу-у, — протянула Аня. — Как в чулане у Бабы-яги.

— Весело у вас там, в детских чуланах, — заметила Карина, поднимаясь по ступенькам первой. — Я свечу поставлю, а вы за мной, не толкаемся.

Чердак встретил их плотным, сухим воздухом и шорохом дождя по жестяной крыше. В свете свечи всплыли очертания старого сундука, перевёрнутого стула, какого-то длинного свёрнутого ковра. В дальнем углу блеснуло что-то стеклянное — старое зеркало в резной раме.

— Тут как в фильме про клад, — восхищённо шепнул Миша. — Только карты не хватает. С крестиком «копать тут».

— Ага, и скелета пирата в шкафу, — добавила Аня.

Карина поставила свечу на широкий плоский сундук, привычно стряхнула паутину с крышки. Руки сами вспомнили, где что стояло когда-то, какие тряпки можно отодвинуть, что лучше не трогать, чтобы не уронить половину чердака себе на голову.

— Мам, смотри! — воскликнула Аня.

У низкого окошка, ведущего в сад, стоял старый детский столик, а на нём — куча каких-то листков. Аня сгребла их в охапку. Сверху списанных тетрадных страниц на Карину уставился странный, коряво нарисованный человечек — вроде бы человечек, но больше похожий на пенёк. Толстый низ, две короткие ножки, два круглых глаза и торчащие в разные стороны... то ли веточки, то ли волосы. Руки были вытянуты вперёд, как у того, кто либо просит, либо предлагает что-то.

— Ого, это кто? — Миша заглянул Ане через плечо. — Страшный гриб?

— Это не гриб, — неуверенно сказала Аня. — У него глаза.

— У грибов тоже бывают глаза, — уверенно заявил Миша. — В некоторых мультиках.

Карина взяла рисунок, пригляделась. Линии были неровные, детские, но в этой корявости было что-то... знакомое. Где-то она уже видела подобный смешной нос-корягу, такие круглые глаза.

Сердце вдруг странно содрогнулось — будто кто-то тихо толкнул его изнутри.

— Мам? — Аня осторожно тронула её за локоть. — Это ты рисовала?

— Не помню, — честно сказала Карина. — Может быть... А может, и нет.

— Там ещё что-то есть! — Миша уже лез под стол. — Там... коробочка какая-то.

Щёлкнуло дерево, послышался возмущённый треск паутины, и из темноты за ножкой стола он вытащил небольшую, пыльную шкатулку. Дерево потемнело от времени, крышка украшена простым узором — веточки, листики, завитки. На передней стороне — небольшой металлический замочек с фигурным отверстием.

— Вооот, — протянул Миша с торжеством. — Клад.

— Это не клад, — возразила Аня, уже тянулась к нему, — это... сокровище. Есть разница.

— Всё, что находим на чердаке и старое — автоматически клад, — заявил Миша. — Правило приключений.

Замочек тускло сверкнул в свете свечи. Не обычный, с дужкой, а плоский, с замочной скважиной в виде цветка.

Карина ощутила, как по спине побежали мурашки. Очень знакомый холодок. Словно время заколебалось между сейчас и тогда.

— Мам, а ключ есть? — Аня подняла на неё светлые глаза. — Откроем?

— Ключа, боюсь, нет, — сказала Карина. — Но...

Она замолчала, поймав на себе два абсолютно одинаковых, жадно-ожидających взгляда.

— Но ты же умеешь, да? — догадался Миша. — Как в кино! Шпилькой! Ты же сто процентов так в детстве делала!

— Я... — Карина почувствовала, как в уголках губ сам собой появляется знакомый, чуть хищный оскал. Детский, давний. — Ничего я вам не умею. Я примерная мать.

— Ма-ам, — взмолилась Аня. — Мы никому не скажем! Честно-честно! Даже тётке Еве... хотя тётя Ева и так знает, что ты не примерная.

— Спасибо большое, — буркнула Карина. Но шпильку из волос всё же вынула.

Пальцы почти не дрогнули — будто и не прошло двадцать с лишним лет. Металл коснулся замочной скважины, тихий скрип, лёгкое сопротивление, щелчок — и крышка шкатулки чуть приподнялась, выпуская наружу лёгкое, еле уловимое дыхание... чего-то.

Не запаха — воспоминания.

Дождь за крышей стал вдруг тише, а огонёк свечи — ярче.

— Ого! — Аня буквально вцепилась в мамины плечи. — Там что?

Карина аккуратно открыла шкатулку.

Внутри, на выцветшей ткани, лежали две вещи. Первая — крошечный, почти прозрачный, высушенный цветок папоротника. Настолько тонкий, что казалось — дыхни, и он рассыплется в пыль. Вторая — грубо вырезанный из дерева амулет на потемневшем шнурке: круг, в котором пересекались какие-то линии, образуя незнакомый узор.

Аня осторожно потянулась к цветку.

— Осторожно, — одновременно с ней сказала Карина. — Он... старый.

Слово «старый» прозвучало не совсем так, как хотелось. Будто дело было не в возрасте цветка, а в чём-то ещё. Гораздо более древнем.

— Это что, — прошептал Миша, — тот самый цветок папоротника, который на Ивана Купалу? Его же не бывает... ну, на самом деле.

— Ну да, — криво усмехнулась Карина. — Много чего «не бывает».

Она провела пальцем по амулету. Дерево было гладким в одних местах и шершавым — в других, там, где нож небрежно царапал волокна. Этот круг с линиями... она помнила его. Помнила, как он охлаждал кожу на шее в самую жару. Помнила, как цеплялся за волосы, когда она бежала по тропинке к реке.

Помнила мальчишку с рыжими веснушками, размахивающего рогаткой. Девочку в очках, машущую над костром старой книгой. И маленькую, упрямую шести- с половиной-летнюю Еву, которая ни за что не хотела оставаться дома.

И ещё — чей-то тихий смешок из-под ветвей ёлки. И тонкие тронутые мхом пальцы, вытягивающие к ней ягоду лесной малины.

— Мам? — голос Ани звучал как издалека. — Ты куда уехала?

Карина моргнула, выныривая.

— Никуда, — соврала она. — Просто вспомнила.

— Что? — не отставал Миша. — Это вам бабушка дала? Или вы сами нашли?

— Это... — начала было Карина, но на лестнице послышались шаги.

Ева появилась в проёме, освещённая снизу, так что её лицо в тени выглядело почти незнакомым.

— Вы там что, на тридцать лет пропали? — спросила она. — Или решили дожждаться, когда свет сам включится?

Потом её взгляд упал на шкатулку, на амулет в Карининой руке — и остановился. Глаза у Евы странно расширились, словно она увидела не просто кусочек дерева, а что-то намного большее.

— О, — только и сказала она. — Ты его... нашла.

— Похоже на то, — тихо ответила Карина.

Ева медленно зашла, присела рядом, оперевшись о край сундука. Гроза за крышей ухнула, словно подтверждая важность момента.

— Тётя Ева, — не выдержал Миша, — это правда цветок папоротника? И амулет настоящий? И он магический, да? Скажите, что да! Пожалуйста.

Ева смотрела не на него. Она смотрела на амулет, как смотрят на фотографию, которую много лет боялись достать из конверта.

— Вы думаете, это просто сказки? — наконец произнесла она, не отрывая взгляда. В голосе её не было обычной насмешки, только тихая усталость. — Нет, это было тем летом, когда мы встретили Мару.

Аня сглотнула.

— Кто такая Мара? — прошептала она.

Ева медленно подняла глаза. Вспышка молнии высветила её лицо так, что стало видно — она испугалась собственного воспоминания.

— Лучше спроси, что она, — сказала Ева. — А началось всё... совсем не страшно. С солнца, пыли и земляники.

Она вытянула руку и кончиком пальца едва заметно коснулась высушенного цветка папоротника.

Свеча дрогнула, и на миг показалось, что тени вокруг них поплыли, складываясь в иные очертания — летние, солнечные, наполненные громким детским смехом и стрёкотом кузнециков.

...Жара расплзалась по пыльной деревенской дороге, воздух дрожал над полем, а поезд, который привёз двух девочек из шумного города, уже давно скрылся за поворотом...

Глава 1. Приезд

Поезд уже давно ушёл, утащив с собой запах металла, горячего железа и города. На маленьком полустанке быстро стало тихо. Только стрекотали кузнечики в раскалённой траве, где-то лениво лаяла собака, а над ржавой крышей вокзальчика вился толстый жёлтый шмель.

— И это всё? — недоверчиво спросила Ева, придерживая руками огромный, почти вдвое больше неё, чемодан. — Это вся станция?

— Вся, — авторитетно ответила Карина, хотя сама в душе немного удивилась, насколько всё уменьшилось. В детстве платформа казалась ей большой, как аэропорт. Теперь — всего-то полоска бетона, облупленная скамейка да будочка кассы, где в окне дремала женщина с книжкой.

Еве было шесть с половиной, и она смотрела на мир как на большую странную игру, где правила меняются по ходу дела. Карине исполнилось десять, и она уже считала себя почти взрослой. Почти — потому что взрослые почему-то всё равно не давали ей принимать решения насчёт чего-то действительно важного.

Например, насчёт того, ехать ли в деревню на всё лето.

— А где автоматы с газировкой? — не унималась Ева. — И ларёк с мороженым? И маршрутки?

— Тут природа вместо автоматов, — вздохнула Карина и мотнула головой в сторону дороги. — Видишь?

Дорога, казалось, уходила прямо в белёсый жар. Пыль под ногами была тёплой, почти горячей, к ней липли обрывки прошлогодней травы. По обочинам тянулись покосившиеся заборы, и за каждым начиналась своя маленькая вселенная: огород, яблони, облупленный дом, сидящая на лавочке бабка или кот, свисающий с подоконника ленивыми полосатыми лапами.

Карина жмурилась от солнца и вдыхала запах, который помнила лучше многих лиц: пыль, нагретое дерево, дальний дымок от чьей-то печки и ещё что-то травяное, горьковатое. Деревня пахла не так, как город. Город пах асфальтом, выхлопными газами и булочной под домом. Здесь пахло... летом. Настоящим, не асфальтовым.

— Далеко ещё идти? — ныла Ева, таща чемодан по пыльной колее. Чемодан покорно катился, но каждые пару метров намертво застревал в камнях.

— Не ной, — отрезала Карина. — Мы всего одну остановку от станции прошли.

— Их тут вообще нет, остановок, — буркнула Ева. — И ничего тут нет.

Карина закатила глаза. Меньшая сестра была чудовищно городской: в рюкзаке у неё лежал тетрис, любимый журнал, запас батареек для плеера и блестящая, абсолютно бесполезная в деревне розовая сумочка.

Карина же ехала налегке: несколько футболок, шорты, книжка, старый фотоаппарат «мыльница» и чувство, что этим летом обязательно должно случиться что-то. Она просто ещё не знала — хорошее это будет «что-то» или не очень.

— Каринка! Евка! — раздалось вдруг откуда-то из-за кустов.

Голос был знакомый до щемоты. Девочки одновременно вскинули головы.

По тропинке, огибающей станцию, к ним быстрым, но не суетливым шагом шла бабушка Лида. В платке, завязанном узлом на затылке, в тёмной юбке до пят, в выцветшей блузке с закатанными рукавами. Ничего особенного — таких бабушек в деревне много. Но в походке Лиды было что-то, чего не было у других: прямота. Не прямая спина от гимнастики, а какая-то внутренняя, упрямая ровность.

— Ба! — одновременно крикнули девочки.

Карина с облегчением отпустила ручку чемодана — он тут же плюхнулся в пыль, — и побежала навстречу. Ева попыталась сделать то же самое, но чемодан предательски дёрнул её назад, и она впечаталась в него коленями.

— Ох ты ж, — бабушка одной рукой прижала к себе Карину, другой уже подхватывала Еву вместе с чемоданом. — Пока доедете, все ноги переломаете.

От неё пахло мятой, дымом и чем-то ещё — травами, которые Карина не могла по отдельности различить, но в сумме этот запах означал только одно: «бабушка».

— Ты похудела, — тут же заявила Лида, критически оглядев Карину с головы до ног. — Или выросла. Тоже мне, тростинка городская.

— Я нормальная, — возмутилась Карина, но бабушка уже переключилась на Еву.

— А это что за принцесса с приданым? — Она ткнула пальцем в розовую сумочку. — Во дворце у нас жить собралась?

— Это не приданое, — оскорблённо сообщила Ева. — Это мои вещи. Очень важные. Без них нельзя.

— Верю, верю, — усмехнулась бабушка. — Ладно, важные так важные. Пошли-ка домой, важные вы мои. А то солнышко вам голову напечёт, будете потом на тыквы похожи.

Она так легко взвалила огромный чемодан на тележку, стоявшую у дороги, будто тот был наполнен пухом, а не городскими сокровищами. Карина поймала себя на том, что смотрит на бабушкины руки: сильные, жилистые, с коротко остриженными ногтями, на которых въевшаяся за годы трава уже давно стала частью кожи.

— А где мама с папой? — спросила она, когда они двинулись по дороге.

— Мама с папой, — бабушка скривилась, — работают. Как всегда. Бумажки свои перекладывают. Тебя вот только им не переложить. — В голосе её едва слышно прозвучала обида, но Лида быстро отмахнулась. — Ну да бог с ними, приезжайте как получится. А вы у меня и так целое лето будете. Строевые учения пройдёте, закаливание, траволечение, всё как положено.

— Траво... что? — насторожилась Ева.

— Траво-ле-че-ние, — отчеканила бабушка. — Город из вас выгонять будем. Полезно. А то бледные, как мука из магазина.

Карина улыбнулась. Она знала: за ворчанием бабушки всегда прячется тепло. Бабушка Лида ругалась охотно и щедро, но обижала редко и только по делу.

Они шли по пыльной дороге, и каждая сотня метров открывала новый кусочек деревни. Вот — дом с покосившейся верандой и синим забором, за которым лениво жуют траву две козы. Вот — сарай с разверстой дверью и гусиными криками. Вот — колодец с журавлём, у которого ведро, тяжело гремя, опускается вниз.

— Ба, а это правда здесь волки бывают? — не выдержала Ева. — И лисы? И... медведи?

— Волки — зимой, — отмахнулась бабушка. — Лисы — если кур красть, а медведей я в последний раз в сказке видела. Будешь плохо есть — нарисую на стенке такого, что жить с ним в одной комнате не захочешь.

Дом бабушки Лиды стоял чуть в стороне от деревни, как будто тоже был немножко не «из общих». К нему вела тропинка вдоль поля, где уже высоко поднялись зелёные стебли картошки. Крыша дома, покрытая старым шифером, казалась низкой, но по-домашнему надёжной, стены — бревенчатыми, тёмными. Окна — маленькими, белёными, с кружевными занавесками.

Во дворе грозно высилась огромная груша, бросая тень на лавку у крыльца. Возле стен под навесом висели пучки сушёных трав — десятки: тёмные, светлые, с фиолетовыми и жёлтыми крошечными цветками. От них шёл терпкий, сложный запах, от которого у Евы немедленно защекало в носу.

— А-пчхи! — чихнула она. — Ой.

— Привыкай, — довольно сказала бабушка. — Это мой аптечный шкаф.

Внутри дом оказался ещё меньше, чем снаружи, но уютнее. Потолок низкий, так что Карина, подняв руку, почти могла дотронуться до тёмной, гладкой балки. В углу — русская печь, белая, с чёрной пастью плиты. Вдоль стен — массивные, тёмные шкафы и комоды. На полке — ряды банок: с сушёными яблоками, грушами, какими-то корешками, которые бабушка сортировала, как ювелир камни.

— Оставляйте вещи в большой комнате, — распорядилась Лида. — Карина на кровати под окном, Ева — на диване. Только обувь снимайте, а то следы тут разводите, как у себя в метро.

— А тут... — Ева покружилась на месте. — Тут же всё... старое.

— Спасибо, — сухо сказала бабушка. — Очень приятно. Ещё скажи — разваливается.

— Не разваливается, — поспешно вставила Карина. — Просто... не как в городе.

— Ещё бы, — фыркнула Лида. — В городе у вас стены картонные, кухня три шага на два, зато телевизор во весь потолок. А тут дом настоящий. Дышит. Вот ночью услышите.

Ева бочком придвинулась к Карине.

— В смысле — дышит? — прошептала она.

— В прямом, — усмехнулась бабушка. — Скрипит, стонет, шепчет себе под нос, как старый человек. Не бояться надо, а слушать.

Карина неуверенно глянула на потолок. Ей вдруг представилось, как дом, когда все заснут, тихонько вздыхает, разминая свои брёвна, и шепчет что-то в щели между досками. Стало чуть-чуть не по себе, но одновременно — интересно.

— Ладно, — хлопнула в ладони бабушка, разгоняя ненужные мысли, — вы тут обживайтесь, а я пойду обед доготовлю. Воду сами наберёте? Колодец рядом, ведро вот.

— Я сама! — тут же заявила Ева.

Через пять минут Карина смотрела, как её «сама» в четвёртый раз обдаёт себя ледяной водой из колодца, потому что верёвка всё время выскальзывала из маленьких рук.

— Давай я, — выдохнула Карина, отнимая у неё ведро. — А то ты так заболеть успеешь быстрее, чем напиться.

— Я не маленькая! — возмутилась Ева, отряхивая с лица капли. — Мне уже шесть с половиной!

— Именно поэтому ты не понимаешь слова «скользко».

Воду они таки принесли. Бабушка кивнула одобрительно, поставила ведро рядом с умывальником во дворе, а потом вдруг прищурилась, выглянув к забору.

— О, — протянула она. — Гости.

К забору важно приближалась коза. Белая, с серыми пятнами на морде, с бородкой и круглым, наглым взглядом. За козой, придерживая картуз рукой, шёл дядя Паша — сосед, о котором бабушка уже успела коротко сказать: «Это наш главный поставщик молока и слухов».

— Здорово, Лидия, — протянул он, опираясь на перекладину забора. — Привезли, значит?

— Привезли, — кивнула бабушка. — Вот, смотри, пополнение: Карина и Ева.

— Ого, как подросли, — сказал дядя Паша, будто видел их вчера, а не пять лет назад. — Совсем барышни.

Карина вежливо кивнула. Ева же смотрела не на дядю Пашу, а на козу. Та жевала травинку, глядя в ответ с тем самым выражением, которое бывает у существ, уверенных в своей козьей правоте.

— Она настоящая? — шёпотом спросила Ева у Карины.

— Нет, — так же шёпотом ответила Карина. — Это голографический проект. Конечно, настоящая.

— Её зовут Звезда, — гордо представил дядя Паша. — Самая лучшая коза на деревне. Молоко как сливки. Хочешь, я тебе покажу, как её доить?

Ева распахнула глаза.

— Да! — выпалила она, не раздумывая.

— Паша, — предостерегающе сказала бабушка. — Ты только смотри там, чтобы без травм. А то твою Звезду я обратно к тебе же отдам — с выговором.

— Да что ты, Лидия, — обиделся дядя Паша. — Я ж аккуратно. Пойдем, малявка, к сараю.

— Я не малявка, — буркнула Ева, но уже шагала за ним так быстро, что едва не наступала козе на копыта.

Карина, естественно, увязалась следом. Интерес — он такой.

Сарай дяди Паши пах сеном, пылью и чем-то терпким животным. В полумраке коза Звезда выглядела солидно и немного грозно. Ева застыла перед ней, как перед экзаменом.

— Значит так, — деловито начал дядя Паша. — Садись на табуреточку. Руками вот так... — он ловко продемонстрировал, как брать вымя. — Не дёргать, а надавливать. Поняла?

— Поняла, — выдохнула Ева, решительно усаживаясь. — Я смогу.

Карина устроилась у стены, чтобы видеть всё лучше.

Первые секунды всё шло почти по плану. Ева осторожно, с бесконечной серьёзностью сжала козье вымя. Коза недовольно фыркнула, переступила с ноги на ногу.

— Мягче, мягче, — подсказал дядя Паша.

— Я стараюсь, — прошептала Ева, язык высунув от концентрации.

И тут Звезде, видимо, надоело чувствовать себя учебным пособием. Она резко переступила вперёд, потом назад, махнула хвостом Еве по лицу, обиженно блея. Ева ойкнула, попыталась отпрянуть — табурет качнулся, ведро опрокинулось, холодное молоко волной пролилось на пол и на Евины босые ноги.

Коза, испугавшись шума, рванулась вперёд и наступила копытом прямо в опрокинутое ведро, устроив такой звон, что с перекадины у дверей посыпалась пыль.

— Ой-ёй! — завопил дядя Паша, хватаясь за рогатую голову. — Звезда, стоять! Стоя-а-ать, дурища!

Ева сидела на земле, в обнимку с опрокинутым табуретом, мокрая до колен, с белыми разводами молока на шортах. На подбородке у неё красовалась гордая белая капля, как у настоящей молочницы.

Карина, которая сначала подняла руку ко рту, чтобы не закричать от неожиданности, вдруг почувствовала, что её трясёт от смеха. Сначала она чуть-чуть хихикнула, потом уже не выдержала и расхохоталась вслух.

— Очень смешно, — мрачно сообщила Ева, пытаясь подняться. Ноги у неё скользили в молочной луже.

— Ну... немножко, — захлёбываясь, выговорила Карина. — Ты такая... молочная фея.

— Фея катастрофы, — буркнул дядя Паша, проверяя, целы ли копыта у Звезды. — Ладно, ты не расстраивайся, малявка. Первый блин всегда комом. С тебя, значит, только умыться и штаны переодеть, а с меня — ещё ведро молока Лидии отнести. Идёт?

— Я не малявка, — автоматически ответила Ева, но уголки её губ дрогнули. Всё-таки смешно было — особенно теперь, когда холод молока перестал шокировать.

Бабушка встретила их у ворот, сложив руки на груди.

— Ну? — подозрительно спросила она, глядя на мокрую Еву и смущённого дядю Пашу. — Кто кого доил?

— Я... почти... — начала Ева.

— Звезда победила, — закончила за неё Карина.

Дядя Паша хмыкнул, бабушка закатила глаза к небу, но в глубине её взгляда промелькнула улыбка.

— Ладно, несчастные вы мои, — вздохнула она. — Идите-ка переодевайтесь. А ты, Паша, если ещё раз ребёнка без шлема безопасности к своей козе подпустишь, я тебе таких трав наварю, что неделю из дома выходить не захочешь.

— Да пошутила я, пошутила, — смягчилась Лида, видя, как у дяди Паши по щекам пролилась краска. — Давай уж своё молоко, раз девчонка ради него в бою пострадала.

Когда Ева, уже сухая и в других шортах, уселась за стол, на котором бабушка поставила парящий суп, тарелку отварной картошки с укропом и блюдо с ломтиками солёного огурца, солнце уже клонилось к закату. В окно лился тёплый, мягкий свет, подсвечивая пылинки в воздухе так, будто в доме плавали золотые рыбы.

Карина отломил кусок хлеба, вдохнула запах.

На стене над столом висели старые часы с кукушкой, и стрелки на них замерли на без пяти шесть.

Без пяти шесть, подумала Карина, посматривая на Еву, которая сосредоточенно макала картошку в сметану. Шесть с половиной. Половина между «малышкой» и «совсем большой». Лето — тоже как половина, как длинная пауза между школьной весной и осенью.

За окном зашумели деревья, словно кто-то невидимый прошёлся по их кронам рукой. Вдалеке, за огородами, начинался лес. Тёмная полоса, пока что просто фон. Но Карина, сама не понимая почему, вдруг мельком подумала, что в этом лесу уже кто-то знает, что они приехали.

Она отогнала мысль, откусила хлеб. В доме пахло мятой, сушёными яблоками...

Лето начиналось.

Глава 2. Деревенская банда

Утром деревня проснулась раньше них.

Карина очнулась от странного ощущения, будто кто-то смотрит ей в лицо. Открыла глаза — и тихо взвизгнула: над ней, заглянув в окно почти вплотную, нависла огромная коричневая морда.

С рогами.

— А-а-а! — вылетело у неё само.

Морда вздрогнула, хмыкнула и исчезла. За окном что-то глухо боднуло стену, послышалось обиженное мычание.

— Что там у тебя? — Ева, растрёпанная и помятая, приподнялась на подушке, шурясь. — Конец света?

— Почти, — буркнула Карина, поднимаясь и выглядывая в окно.

На узкой полоске земли под окном мирно стояла корова. Огромная, рыжая, с белой звездочкой на лбу. Корова равнодушно жевала что-то невидимое, но при этом смотрела на дом пристально и как будто с укором.

— Ба-аб! — крикнула Карина. — У нас корова под окном!

— Не «корова», а Маня, — отозвалась бабушка с кухни. — Пусть стоит, ей можно. На улицу выходите, умываться! Вода — у колодца, полотенце — на гвозде. И не забудьте: сначала морда, потом тарелка.

Умывание холодной колодезной водой оказалось испытанием почти таким же суровым, как вчерашняя встреча с козой, но после него глаза раскрывались сами, а сонливость выветривалась.

Завтрак был таким, что городские завтраки нервно курили бы в сторонке: густая манная каша с маслом, сверху — комок варенья, хлеб, сметана в глубокой миске, бутылка молока, которое ещё вечером было внутри Звезды.

— Ба, а мы сегодня что будем делать? — спросила Ева, отодвигавшись от третьей по счёту ложки каши. — Тут... вообще что делают?

— Живут, — невозмутимо сказала бабушка. — Для начала — поедят. Потом пойдёте по деревне, посмотрите, кто ещё живой остался. Может, ребят найдёте. Тратить всё лето на сидение под моим кустом смородины я вам не позволю.

Перспективы «найти ребят» одинаково пугали и заворачивали. Карина, доев, вытерла ложку о корочку хлеба и пошла искать кроссовки.

Деревня днём была совсем другой, чем вчера вечером. Светлая, шумная, с криками петухов и смехом, доносящимся из-за плетней. Возле одного дома какой-то мальчишка гонял мяч, возле другого — две девочки прыгали через верёвку, распевая про «серого волка».

— Мы что, просто... так пойдём? — шёпотом спросила Ева, вцепившись Карине в локоть. — Типа... всем скажем «здравствуйте, мы новые, играйте с нами»?

— Типа того, — так же шёпотом ответила Карина. — Только ты рот закрывай иногда. А то как начнёшь выдавать, что тут медведей нет, тебя же первой и съедят.

— Медведи не едят людей, — уверенно сказала Ева. — В зоопарке написано, что они все травоядные.

— В зоопарке, может, и так, — хмыкнула Карина. — А в лесу — как попадёшь.

Они уже почти дошли до маленького магазинчика, возле которого толпились тётки с сумками, когда сзади раздалось:

— Эй, городские!

Карина обернулась.

На заборе ближайшего двора сидел мальчишка. Рыжий. Настолько рыжий, что, казалось, солнце сперва ударило именно по его голове, а уже потом по остальным. Веснушки плавали у него по носу и щекам в таком количестве, что невозможно было сосчитать. На нём были шорты, футболка с выцветшей надписью и кеды, явно пережившие не одно поколение ног.

Он сидел, свесив одну ногу, и жевал травинку.

— Это вы к Лидке приехали? — уточнил он, не утруждая себя приветствием.

— К бабушке Лиде, — автоматически поправила Карина. — А ты кто?

— Я — Тима, — с достоинством представился он. — Тимофей Петров. Только если кто скажет «Тимоша» — у того будут проблемы.

Он посмотрел на них так серьёзно, что Ева поспешно спрятала за спиной уже открывшийся рот.

— А вы как? — продолжал он.

— Карина, — ответила Карина. — Это Ева.

— Ева? — переспросил Тима. — Как праздник?

— Как что? — не поняла Ева.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Тима. — Фиг с ним, с праздником. Вы чего по деревне шлёпаетесь?

— Нам бабушка сказала... — начала Ева.

— Нам бабушка сказала познакомиться с ребятами, — перебила Карина. — И вообще, мы гуляем. Можно?

Тима ещё секунду изучал их, потом широко ухмыльнулся.

— Можно, — великодушно разрешил он. — У нас тут сплошные деревенские, с ними скучно. Хотя... — Он вдруг наклонился и заорал в глубину двора: — Лер! Выходи! Тут новые!

Из дома почти сразу вышла девочка. Волосы заплетены в две тугие косы, на носу — очки в круглой оправе, которые, казалось, были чуть великоваты. В руках — книжка, раскрытая на середине. Она подошла к забору, договорила про себя последнюю строчку, закрыла книгу закладкой.

— Кто? — спросила она.

— Городские, — повторил Тима. — К Лидии. Ты же говорила, что у неё внучки маленькие были. Вот они и выросли.

Лера внимательно посмотрела на девочек поверх очков.

— Карина? — медленно спросила она. — Ты ведь приезжала, когда тебе было... лет пять или шесть.

— Десять, — поправила Карина. — Ну, сейчас десять. Тогда... да, где-то так.

— А я тебя помню. — Лера вдруг улыбнулась — неожиданно тепло. — Ты ещё тогда по старому мосту первая побежала. Все боялись, а ты — нет.

Карина вдруг и правда вспомнила: дрожащие доски, чёрную воду внизу, бабушкин крик: «Карина, я тебя убью, если ты сейчас не вернёшься!». И смех — её собственный, звонкий и отчаянный.

— Это было давно, — пробормотала она, почему-то немного смутившись.

— Зато верно, — сказала Лера. — А это? — Она кивнула на Еву.

— Это моя младшая сестра, — сказала Карина. — Ей шесть с половиной. Она уже умеет падать под козу.

— Очень смешно, — процедила Ева.

— Она городская до мозга костей, — добавила Карина. — Мультики, медведи — травоядные.

— Это научный факт, — вмешалась Ева, но никто её не услышал.

— Ясно, — кивнула Лера. — Ладно. Мы сейчас как раз думали, чем заняться. Пойдём на речку? Или в лес?

— В лес! — сразу же сказал Тима. — На речке сегодня Петька с братвой. Они опять будут показывать, кто круче, и брызгаться. Надоели.

— Если в лес, — задумчиво сказала Лера, — можно начать строить новый шалаш. Старый зимой завалило.

— Шалаш? — глаза Евы загорелись. — Прямо настоящий? Как дом?

— Ну, почти как дом, — с важностью сказал Тима. — Только круче. Потому что наш.

— А бабушка... — начала было Карина, вспоминая вчерашнее «далеко в лес не ходить».

— Бабушка Лида сама там детьми бегала, — махнул рукой Тима. — Там недалеко. Мы знаем тропу. Ну что, трусите?

Слово «трусите» сработало безотказно. Карина мгновенно почувствовала, как внутри поднимается знакомое упрямство.

— Никто не трусит, — холодно сказала она. — Пошли уже.

* * *

Лес начинался почти сразу за огородами, но по ощущениям это был другой мир. Тень от деревьев упала на них мягким ковром, воздух стал влажнее и холоднее. Солнце по-прежнему было где-то там, наверху, но сквозь листву пробивалось уже не огнём, а зелёными пятнами.

— Смотрите, — сказала Лера, показывая на землю. — Видите, мох? Здесь уже не просто опушка. Тут уже настоящий лес.

Ева послушно уставилась на мох, словно тот собирался с ней заговорить.

— А там кто живёт? — спросила она, указывая вглубь.

— Звери, — ответил Тима. — Лисы, зайцы, ежи. Лера скажет, кто ещё.

— Птицы, насекомые, грибы... — начала перечислять Лера. — Там, на болотце, ещё лягушки и стрекозы. А если повезёт, можно увидеть косулю. Но это вряд ли, вы шумите как трактор.

Ева обиженно захлопнула рот.

Тропа вела вглубь, вьась между стволами. Где-то вдаль кукнула кукушка. Ветки слегка цеплялись за одежду, но лес не казался страшным — только большим и немного... настороженным.

— А ты не боишься? — тихо спросила Ева у Карины, когда Лера с Тимом чуть оторвались вперёд.

— Чего? — не поняла та.

— Ну... леса.

Карина задумалась.

— Не знаю, — сказала она честно. — Немного. Но интересно сильнее.

Лес пах сырой землёй, корой, прошлогодними листьями и чем-то терпким, горьким — может быть, смолой. С каждым шагом город отдалялся всё дальше, будто остался не за огоро-дом, а за тысячу километров.

— Вот тут, — объявил Тима, остановившись на небольшой поляне, где стволы деревьев расходились чуть шире, а на земле под ногами было меньше всего веток. — Точно здесь и построим. Видишь, какие берёзы? Как столбы. И кусты. Отличное место.

— А вдруг здесь уже кто-то живёт? — озабоченно спросила Ева, оглядываясь.

— Кто? — фыркнул Тима. — Леший?

— Ну... — Ева смутилась. — А вдруг.

— Лешие — это сказки, — авторитетно сказала Лера. — Хотя... — Она прищурилась. — В некоторых местах говорят, что в лесу живут духи.

— Фу, опять ты со своими книжками, — отмахнулся Тима. — Духи, не духи... никто нам не мешает. Ладно, делимся: я — за палками, Карина — за сухим хворостом, Лера будет думать, как всё лучше построить, а мелкая... — он посмотрел на Еву, — будет носить, что получится.

— Я не мелкая, — автоматически откликнулась та. — Я могу тоже искать палки.

— Так и быть, — великодушно согласился Тима. — Только не заблудись. Лес у нас хоть и не тайга, но таких, как ты, ещё не завтракал.

Работа закипела. Тима тащил толстые ветки, бурча себе под нос, что одна он тут всё быстрее сделает. Карина с азартом собирала палки полегче, представляя, как у них получится настоящий дом с крышей и, может быть, с маленьким окошком. Лера, поставив книжку на пень, ходила вокруг, оценивая, как лучше закрепить «стены».

— Нужно, чтобы с одной стороны была опора, — объясняла она. — Вот, дерево. А с другой — вилка между стволами. Тогда ветки будут держаться. И крыша под наклоном, чтобы дождь стекал.

— Ты что, в книжке своей это читала? — тяжело дыша, спросил Тима, укладывая очередную «балку».

— В другой, — спокойно ответила Лера. — Про выживание в лесу.

— Ты готовишься к концу света? — с уважением уточнила Карина.

— Просто интересно, — пожала плечами Лера.

Все были заняты, и лес вокруг казался обычным фоном их игры. Птичий щебет, шорохи в кустах, редкое потрескивание — всё сливалось в один общий шум.

Карина в какой-то момент выпрямилась, вытирая вспотевший лоб. Сердце стучало чаще обычного — от беготни и от того особенного восторга, когда у тебя под руками появляется что-то своё.

И вдруг она почувствовала... взгляд.

Это было странно, почти физически: словно тонкая ниточка натянулась от кого-то — к ней. Карина медленно огляделась.

Всё было по-прежнему: берёзы, кусты, пятна света на мхе. Никаких волков, медведей, леших и чудовищ. Но в тишине вдруг стало слишком... тихо. Птицы, ещё минуту назад чирикавшие без умолку, будто разом замолкли.

— Эй, вы слышите? — прошептала Карина.

— Что? — отозвалась Лера, складывая ветки в импровизированную «крышу».

— Ничего.

Лера подняла голову.

— Ну да, — согласилась она. — Странно.

Тима в это время стоял в стороне, пытаясь привязать шнурок от кеда к одному из прутьев для «флага».

— А я ничего не слышал, — сказал он. — Кроме вашего шепота. Может, это ваши городские уши.

Карина уже подумала, что, может быть, и правда всё это ей показалось, как вдруг...

На ближайшем пенёчке что-то блеснуло. Совсем чуть-чуть — крошечным рубиновым искоркой.

— Смотрите, — сказала она, подходя ближе.

На пенёчке лежала горсть малины. Ягоды были идеальными: крупными, плотными, ярко-красными. Ни одной помятой, ни одной недозрелой. Как на картинке из книжки.

— Откуда? — удивилась Лера. — Тут же нет малинника рядом.

Они и правда никакого куста поблизости не видели. Только трава, да мох, да низкие, шершавые ветки.

— Может, птичка уронила, — предположил Тима, но даже он звучал не слишком уверенно. — Или... белка.

— Белки не едят малину, — машинально сказала Лера. — По крайней мере, я не читала об этом.

— Может, кто-то оставил, — прошептала Ева, подходя ближе. — Ну... чтобы мы поели. Она протянула руку к ягодам.

— Стой, — одновременно остановили её Карина и Лера.

— Чего вы? — обиделась Ева. — Они же красивые.

— Слишком красивые, — пробормотала Карина. — И... странно, что они просто так тут.

Она сама не понимала, почему вдруг встревожилась. Что такого — горсть малины на пенёке? Но внутри что-то ворочалось, как маленький, непонятный страх.

— Может, это просто... подарок леса, — нерешительно сказала Лера. — Есть такая легенда. Что если приходишь в лес с добром, он тебе отвечает.

— Лес не отвечает, — фыркнул Тима, но к ягодам так и не притронулся. — Ладно, хотите — ешьте сами. Я лучше с козырька соскребу.

В итоге они решили малину... оставить. Просто так. Карина почему-то почувствовала облегчение, когда они, немного поёживаясь, отошли от пенёка.

Но ощущение чьего-то взгляда на спине так просто не исчезло.

Глава 3. Бабочка и овраг

К вечеру Карина уже почти убедила себя, что малину мог кто угодно уронить. Хоть соседские дети, хоть какие-нибудь лесные птицы-коллекционеры. Лес — он большой, мало ли что.

День прошёл в делах: они ещё немного поработали над шалашом, потом всё-таки сбегали к речке — помочить ноги и покидаться камешками, а потом бабушка позвала их домой помогать.

Помощь заключалась в том, чтобы:

— не переворачивать корзину с луком;

— не спотыкаться о ведро с водой;

— не пытаться гладить курицу против перьев;

— и, главное, не совать нос в печку.

— Печь — не телевизор, — строго сказала бабушка, отгоняя Еву от чёрной пасти. — Сидеть у неё и ждать мультитк бесполезно. А вот если туда залезть — можно и без мультитков остаться.

— Она серьёзно так говорит, — шёпотом прокомментировала Ева Карине. — Или шутит?

— С бабушкой никогда не понятно, — так же шёпотом ответила та. — Лучше считать, что серьёзно.

Перед сном бабушка выдала каждой по тарелке с клубникой — крупной, сладкой, с грядки за домом.

— Это чтоб вы не забывали, что жизнь — не только козы и коровы, — сказала она. — В ней ещё и приятное бывает.

Карина съела свою тарелку, глядя в окно. Небо медленно темнело, из остывающих кустов слышалось стрекотание. Лес за огородами чернел всё отчётливее.

— Ба, — не удержалась она. — А в лесу... ничего странного нет?

Бабушка, сушившая руки полотенцем, на секунду застыла.

— В каком смысле — странного? — осторожно уточнила она.

— Ну... — Карина поёрзала. — Ты всегда говоришь: «Дальше тропы не ходите». Почему?

— Потому что там кусты, — сухо сказала Лида. — Ноги переломаете. И клещи. А клещи тебе нужны?

— Нет, — признала Карина.

— Вот и не ходи, — отрезала бабушка. — В лес — только по делу. И с головой. А с головой — потом поговорим.

Ответ был такой «бабушкин», что Карина не стала настаивать. Но когда они с Евой легли спать, закрывая глаза под постукивание часов с кукушкой, Карина ещё долго лежала, прислушиваясь к дыханию дома.

Иногда ей казалось, что среди его обычных скрипов и вздохов есть что-то ещё. Незнакомое. Как будто кто-то тихо ходит по чердаку. Или как будто снаружи, у самой стены, кто-то большие, невидимые пальцы проводит по брёвнам.

Утро началось с крика.

— А-а-а! — вопль вспорол тишину так резко, что Карина едва не ударилась лбом о спинку кровати, подсакивая. — Она живая!

— Кто?! — одновременно крикнули Карина и бабушка из кухни.

— Она! — донеслось с крыльца. — Она двигается!

Карина вылетела во двор в одной футболке. У крыльца, прижавшись спиной к стене, стояла Ева, показывая трясущимся пальцем на... лягушку. Самую обыкновенную зелёную лягушку, сидящую у ведра с водой.

Лягушка смотрела на Еву с тем же ошарашенным выражением, с каким Ева смотрела на неё.

— Это она живая? — уточнила бабушка, выходя следом.

— Она... прыгнула! — жалобно объяснила Ева. — Прямо на меня!

— Не плачь, я тебе страшную тайну скажу, — серьёзно сказала бабушка. — Лягушки, они в основном живые. Особенно летом. С мёртвыми их легко перепутать, но если она прыгает — значит, почти наверняка живая.

— Ба, перестань, — попросила Карина, хотя не смогла не улыбнуться.

— Вот и познакомились, — заключила бабушка. — Это, Ева, лягушка. Лягушка — это Ева. Обе живые. Дальше договоритесь сами.

После завтрака Лида отправила их к Тиме и Лере:

— Идите, нечего под ногами вертеться. Только к обеду чтоб дома были. И по оврагам не шляйтесь! — крикнула она им вслед.

— А овраг... это что? — спросила Ева уже за калиткой.

— Большая яма, — пояснила Карина. — Только глубокая. Лучше туда не падать.

— А он... далеко? — с интересом уточнила Ева.

— Надеюсь, да, — пробормотала Карина.

Тима с Лерой ждали их уже на дороге. У Тима в руках была подозрительная тряпичная сумка.

— У нас сегодня важное дело, — объявил он. — Надо достроить крышу и сделать флаг. А то как это — база без флага?

— А что в сумке? — насторожилась Карина.

— Инструменты, — важно ответил Тима. — Верёвки, ножовка, гвозди. И...

— И пакет пряников, — сдала его Лера. — Он думает, что если называет это «инструментами», то съесть всё самому будет не стыдно.

— Пряники — это топливо, — невозмутимо сказал Тима. — Без топлива строительство не идёт.

До леса добежали уже привычно быстро. Тропа встретила их знакомым шорохом. Сегодня лес казался более доброжелательным: птицы пели, где-то постукивал дятел, в ветвях тихо шуршал ветер.

— Смотрите, — сказала Карина, когда они подошли к поляне. — Пень.

Пень был на месте. И он был пуст. Ни одной ягодки.

— Может, кто-то съел, — предположила Ева.

— Или забрал обратно, — тихо сказала Лера.

— Кто? — Тима огляделся. — Оланды? — он, кажется, не до конца расслышал, что сказала Лера.

— Неважно, — отмахнулась та. — Давайте строить.

Первые два часа они честно строили. Карина научилась отличать «хорошие» ветки от «плохих». Ева с важностью подтаскивала мох для «утепления». Тима, как мог, вбивал гвозди обухом ножа, гордо объясняя, что он «настоящий мужчина». Лера руководила процессом, время от времени подглядывая в свою книжку по выживанию.

— Я пойду за цветами, — вдруг объявила Ева, когда основная конструкция была почти готова. — Тут пусто. Надо украсить.

— Только недалеко, — строго сказала Карина. — Видишь нашу поляну? Дальше кустов — не уходить.

— Не уйду, — пообещала Ева.

Она и правда не собиралась уходить далеко. Просто чуть-чуть отойти от поляны, где все гремели, ржали и двигали ветки, чтобы спокойно выбрать самые красивые цветы. Белые колокольчики, ромашки, какие-то жёлтые звёздочки на тонких стебельках.

Шаг, другой, третий. В лесу становилось чуть тише, чем на поляне. Солнце было там же, но лучи сквозь листву казались мягче.

— Ой, — сказала Ева вслух, увидев бабочку.

Бабочка была такой, какую она раньше видела только в мультиках: большая, синие крылья с чёрной окантовкой, словно кто-то аккуратно обвёл их фломастером. Она сидела на листе папоротника и чуть шевелила крыльями.

— Привет, — шепнула Ева. — Какая ты красивая.

Бабочка вспорхнула и полетела дальше, неторопливо, будто нарочно не очень быстро. Совсем чуть-чуть в сторону от тропы.

Ева посмотрела туда, где за кустами всё ещё виднелись силуэты друзей. Послушался голос Тимы:

— Не так, говорю, держи! Вот так, смотри!

И голос Карины:

— Не командуй, строитель.

Они не смотрели в её сторону. И бабочка... она ведь совсем недалеко. Ещё пара шагов.

— Только чуть-чуть, — сказала себе Ева. — И обратно.

Она пошла за бабочкой. Бабочка будто играла с ней: садилась на травинку, ждала, пока Ева подойдёт, а потом перелетала дальше. Снова и снова.

Трава становилась выше, кусты — гуще. Шорохи вокруг — тише. Но Ева была занята только своим сияющим, живым пятном синего цвета.

— Стой, — шептала она. — Ну подожди. Я просто посмотрю поближе...

Бабочка плавно перелетела через высокий куст. Ева, не раздумывая, полезла следом, задевая ветки руками. Куст оказался колючим, царапнул по ноге, но было уже всё равно.

Секунда — и мир под ногами исчез.

Ева успела только охнуть. Земля, ещё мгновение назад твёрдая и надёжная, вдруг ушла вниз. Нога соскользнула с края, трава под руками выдернулась с корнем.

Перед глазами мелькнуло что-то серое, мокрое, с редкой травой на склоне. Воздух вырвался из лёгких криком, но крик тут же сорвался — вместе с землёй.

Овраг.

С обрывистыми, крошащимися стенками. Глубокий, гораздо глубже, чем она могла представить. Внизу чернела сырая, сплюснутая земля, местами блестела вода.

Сейчас я упаду, успела подумать Ева. Сломаю себе всё... или...

И в этот момент кто-то дёрнул её за капюшон.

Резко, сильно, как кошка — котёнка. Тело дёрнулось назад, пятки ободрало о край, перед глазами проскакали искры. Она кашлянула и вдруг поняла, что не летит. Она лежит. На животе. На краю оврага. Ногами наружу.

Пальцами она судорожно вцепилась в траву. Сердце бухало где-то в горле.

Пару секунд она просто лежала, широко открыв глаза, глядя на комок земли перед носом.

Потом медленно повернула голову.

Рядом с ней кто-то сидел.

Он был маленький. Не как Ева — меньше. Чуть выше кошки. Лохматый — но не как собака, а как будто на него надели короткую, мшистую шубку. Из-под этой шубки торчали тонкие, корявые ручки — с пальцами, похожими на корешки. И ножки — короткие, в травяных лохмотьях.

Лицо... нет, морда... было странным. Нос — как шишка от сосны, длинный и бугристый. Глаза — круглые, тёмные, блестящие, очень живые. Из-под торчащих в разные стороны волос-веточек выглядывали маленькие уши.

Он сидел на корточках и держал её за капюшон обеими руками. Крепко.

Когда он увидел, что Ева на него смотрит, он отпустил ткань и отпрянул на шаг, как будто обжёгшись. При этом издал звук — что-то среднее между свистом, фырканием и тихим «фрррр».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.